

АКАДЕМИК БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ТУРАЕВ

(О стиле работы ученого)

Имя академика Бориса Александровича Тураева (1868–1920), как одного из основателей и корифеев русской науки о древнем Востоке, навсегда останется в ее анналах. А вклад русской и советской школы в изучение проблем древневосточной истории весьма существен. Таким образом, вопрос о месте Б. А. Тураева в отечественной и мировой науке далеко не праздный и не «парадный». Эта краткая статья не может претендовать на детальное и тем более исчерпывающее описание научной и педагогической деятельности Б. А. Тураева и ее оценку с современных позиций нашей науки — для этого потребовался бы целый том. В ней затрагиваются только некоторые аспекты его разносторонней деятельности.

Б. А. Тураев по своей узкой специальности был египтологом-историком. В более широком плане он был историком всего «классического» (Ближнего) древнего Востока. Историей стран Среднего и Дальнего Востока он никогда не занимался. В этом сказалась, с одной стороны, устоявшаяся традиция тогдашней науки, но, с другой стороны, никто, конечно, не мог бы и требовать, чтобы ученый широчайшей эрудиции, Б. А. Тураев, был бы вдобавок еще и индологом, и синологом. А эрудиция Б. А. Тураева была поистине редкой. Он отлично владел египетским языком и был самостоятельным исследователем египетских текстов — об этом свидетельствуют не только такие его исследования, как «Бог Тот», (СПб., 1898), «Египетская литература» (М., 1920) и др., но и многочисленные первоиздания ряда памятников, хранившихся в зарубежных музеях, а также в музеях и частных коллекциях России, и впервые ставших доступными ученым всех стран именно благодаря его публикациям. Б. А. Тураев прекрасно владел и другими языками народов древнего Востока. В предисловии к советскому изданию его замечательной двухтомной «Истории древнего Востока» (М., 1936), написанном академиком В. В. Струве и И. Л. Снегиревым, читаем: «Б. А. Тураев обладал энциклопедическими знаниями в своей области, что относится к владению им и древневосточными языками. Вследствие этого, в основной своей массе, переводы источников были выполнены им самим, что естественно необычайно повышает ценность этой части труда. В большинстве случаев Б. А. Тураев, базируя свои положения на том или ином источнике, приводит из него пространные выдержки, а весьма часто приводит его с небольшими сокращениями или просто полностью. Эту часть труда нашему читателю надлежит использовать в первую очередь при изучении научного наследства Б. А. Тураева, бывшего первоклассным филологом»¹.

¹ Б. А. Тураев, История древнего Востока, предисловие, т. I, М., 1935, стр. VIII.

В этом отношении Б. А. Тураев стоит наравне с тремя другими крупнейшими историками древнего Востока — французом Г. Масперо, немцем Э. Мейером и своим учеником — нашим соотечественником В. В. Струве.

Написанная Б. А. Тураевым «История древнего Востока» — выдающийся научный подвиг. По размаху охвата, географического и хронологического (он доводит свой труд вплоть до позднего эллинизма), труд Б. А. Тураева исключителен. Б. А. Тураев был историком в самом широком смысле этого слова — его интересовала не только политическая история, но и история культуры в ее самых разнообразных проявлениях, различные аспекты жизни древневосточных обществ.

Как ученый, Б. А. Тураев сформировался до Великой Октябрьской революции и был чужд марксистскому мировоззрению, а следовательно, и материалистическому подходу к истории. Поэтому напрасно искать в его работах какие-либо исследовательские моменты в отношении социально-экономической структуры древневосточных обществ и ее развития. Последовательной и четкой концепции исторического процесса у него по сути дела нет. Вместе с тем в трудах своих Б. А. Тураев не был связан и какой-либо предвзятой концепцией вроде тех, какие нередко создавали современные ему историки, и в их числе знаменитый Э. Мейер. Б. А. Тураев стремился быть строго объективным и зависеть в своих выводах и обобщениях только от конкретного исторического материала. Таким образом, по своему исследовательскому методу Тураев может быть назван прагматистом. Но всякий прагматизм, как бы ни был объективен историк, приводит к эклектике, в которой всегда преобладание получают идеалистические элементы. Так случилось и с Б. А. Тураевым. Однако полная непредвзятость и исключительная добросовестность в ряде случаев приводили его к выводам, показывающим, что Б. А. Тураев мог приближаться стихийно к положениям исторического материализма.

Приведем пример. В начале главы, посвященной «Архаическому Египту», Б. А. Тураев говорит о древнейшем населении этой страны. Мы знаем, что ряд зарубежных ученых объяснял быстрый и, как они полагали, внезапный расцвет древнейшей культуры появлением в долине Нила «новой расы». Вот что пишет по этому поводу Б. А. Тураев: «Новейшие раскопки Райзнера у Нага-эд-Дер в Верхнем Египте и Навилля в Абидосе доказали, что перед нами не какая-то неизвестная доисторическая раса, а уже прямые предки классических египтян, что не было резкого перелома в культуре, объясняемого появлением другого этнографического элемента. Изменения происходили постепенно под влиянием прогресса техники, главным образом распространения металлических орудий»². В этих словах Б. А. Тураева замечательны две мысли. Первая — о том, что изменения в культуре являются результатом прогресса техники; вторая — о том, что эти изменения не могут объясняться «расовыми» соображениями. В другом месте Б. А. Тураев совершенно правильно утверждает, что не имеют большого значения всякого рода «суждения по так называемому народному характеру (в этом особенно повинен Ренан). Не говоря уже о малой разработанности народной психологии, мы видим примеры различий в характере среди отдельных частей не только расы, но и одного племени. Нельзя забывать также, что географические и исторические условия могут выработать и сходные народные характеры»³.

Б. А. Тураева иногда упрекали в том, что он переоценивал роль географического фактора в истории. Думается, однако, что среди некоторых наших историков одно время было модно под флагом борьбы с географическим материализмом недооценивать значение географического фактора

² Тураев, ук. соч., стр. 166.

³ Там же, стр. 64.

в историческом развитии различных народов. Однако сам К. Маркс вполне серьезно относился к этой проблеме. Достаточно привести следующие его слова из «Капитала»: «Слишком расточительная природа „ведет человека, как ребенка, на помочах“. Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»⁴. Если так обстоит дело с капиталистической формацией, то для докапиталистических формаций, когда человеческое общество было гораздо слабее вооружено технически, роль географического фактора была значительно сильнее. Несомненно, что влияние географического фактора на жизнь общества обратно пропорциональна технической вооруженности общества. Древневосточные общества, которые изучал Б. А. Тураев, как раз и были первыми классовыми обществами в истории человечества, обществами, непосредственно выросшими из доклассовых. Вряд ли необходимо доказывать, что их техническая вооруженность была сравнительно незначительной и именно поэтому влияние географического фактора сильным. Вот какими словами Б. А. Тураев определял влияние географической среды на египетское и месопотамское общества: «Только умелое распределение влаги, проведение ее в наиболее отдаленные и возвышенные места, заготовление запасных резервуаров на случай недостаточного разлития, осушение болот путем канализации — могли поддерживать культурную пригодность почвы. Но это требовало совместной работы всего народа под сильной властью: отсюда древнейшие крупные политические образования на началах деспотизма и крепостничества. Отсюда же могущественное влияние экономических факторов на политическую историю, а также постоянная связь сильной центральной власти с заботой о водяных сооружениях»⁵. Совершенно очевидно, что Б. А. Тураев понимал влияние географического фактора на историю не как непосредственное, но как опосредствованное экономическими моментами. Больше того, несколько ниже Б. А. Тураев, объясняя причину превращения «цветущего края», каким некогда была Вавилония, в «пустынное болото», указывает, что «причиной этому не перемена климата, который остался тем же, а плохое управление и обезлюдение, обусловившее расстройство системы каналов и шлюзов, а следовательно, превращение страны в болото»⁶. Таким образом, в проблеме взаимоотношений природы и общества Б. А. Тураев вовсе не был «географическим материалистом».

Больше всего Б. А. Тураева интересовала в истории древнего Востока история культуры древневосточных обществ в ее самых разнообразных достижениях и духовная жизнь народов древнего Востока, и в первую очередь их религия, с которой в те отдаленные от нас времена так или иначе были связаны и другие аспекты духовной жизни. В своих трудах Б. А. Тураев уделяет очень много внимания этой стороне жизни древневосточных народов, особенно религии древнего Египта. Его магистерская диссертация также была посвящена одному из главных богов египетского пантеона — Тоту⁷. Б. А. Тураев был первоклассным знатоком не только египетской и других древневосточных религий, но также весьма крупным специалистом по истории коптской и абиссинской церкви. В исследовании древневосточных религий Б. А. Тураев был столь объективен и глубок, насколько это вообще было доступно добросовестному ученому, не стоявшему на позициях исторического материализма. Б. А. Тураев не рассматривал религию как надстройку над материальным базисом, но,

⁴ К. М а р к с, Капитал. I, Соч., т. 23, стр. 522.

⁵ Т у р а е в, ук. соч., стр. 60.

⁶ Там же.

⁷ Б. А. Т у р а е в, Бог Тот, СПб., 1897.

изучая религии, взятые сами по себе (в чем, конечно, следует видеть серьезный недостаток), он все же изучал их как историк — в процессе развития. Уделяя особое внимание именно тем моментам, которые подготовили возникновение христианства, он рассматривал религии древнего Востока не как стабильное, а как развивающееся явление. И в этом отношении его труды многое дали науке: следует напомнить слова К. Маркса о том, что «религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»⁸. А человек древневосточного общества — и это вряд ли надо доказывать — себя еще не обрел. Б. А. Тураев искал в религиозных учениях древневосточных народов проявления гуманности и вряд ли правильным было бы его этим попрекать, ибо искал он их как раз в «самосознании и самочувствии человека», человека древневосточного.

Большим достоинством Б. А. Тураева как ученого была осторожность в выводах. В качестве примера можно указать на его отношение к теории панвавилонизма. Б. А. Тураев полностью ее отвергал, как и Куглер, доказавший ее несостоятельность. Но последний в пылу полемики против сторонников панвавилонизма ошибочно отрицал также и древность астрального мировоззрения вавилонян, против чего Б. А. Тураев возражал правильно, как это показало дальнейшее развитие науки. Протестуя против огульных обобщений, он во «Введении» к «Истории древнего Востока» писал, что «едва ли может идти речь об общих характеристиках для культур (например о пресловутых: неподвижности, теократизме, депотизме и т. п.), имевших историю в несколько тысячелетий...»⁹.

Б. А. Тураев, отдавший всю свою жизнь науке, был глубоко предан ей. С горечью писал он о положении русской науки о древнем Востоке во времена царизма: «Самые центры ассирийско-вавилонской культуры — Ниневия и даже Вавилон — находились в ничтожном расстоянии от нашей границы и тем самым напоминали нам, что интерес к изучению древнего Востока должен быть у нас более жив, чем в Западной Европе, а изучение великого прошлого наших окраин — наш долг и перед ними, и перед наукой. Нами сделано в этом отношении слишком мало не только в смысле ученых и археологических изысканий, но даже в деле простого собирания памятников и спасения их от исчезновения, между тем как музеи Берлина и Лондона богаты не только предметами египетской и вавилонской культуры, но даже памятниками, вывезенными из Закавказья»¹⁰.

Горячий и искренний патриот, Б. А. Тураев прилагал всемерные усилия к тому, чтобы поднять уровень и престиж русской науки о древнем Востоке. Как египтолог и как абиссинист, он положил немало сил на переиздание египетских и эфиопских памятников и текстов, хранившихся в музеях и частных коллекциях, считал необходимым ввести их в оборот мировой науки, видя в этом дело чести русского ученого.

Б. А. Тураев сделал все возможное для создания школы русских ученых, специализировавшихся в исследовании древневосточных обществ. И наиболее одаренному и эрудированному из учеников Б. А. Тураева — Василию Васильевичу Струве — выпало на долю после смерти учителя продолжить его дело, поставив советскую науку о древнем Востоке на прочный и надежный фундамент исторического материализма и создав школу советских востоковедов-марксистов.

М. А. Коростовцев

⁸ К. Маркс, К критике гегелевской философии права. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 414.

⁹ Тураев, История древнего Востока, т. I, стр. 6

¹⁰ Там же, стр. 5.